

Философия

УДК 167+930.1

Исследования исторической памяти как трансдисциплинарный проект

Т.А. КАПИТОНОВА, В.А. БЕЛОКРЫЛОВА

Исследования исторической памяти как новая трансдисциплинарная область знания, широко использующая методы и концептуально-теоретический аппарат различных социогуманитарных дисциплин, сталкиваются с необходимостью выработки единого парадигмального подхода. При его разработке следует учитывать конструктивно-динамический характер формирования исторической памяти, а также диалектическую природу взаимодействия ее индивидуального и коллективного компонентов. Представляется перспективным совместное использование историографического и биографического методов как взаимодополняющих.

Ключевые слова: исследования исторической памяти, индивидуальная память, коллективная память, устная история, биографический метод, историографический метод, трансдисциплинарные исследования.

Studies of historical memory as a new transdisciplinary field of knowledge, widely using the methods and conceptual and theoretical apparatus of various social and humanities disciplines, are faced with the need to develop a single paradigm approach. When developing it, one should take into account the constructive-dynamic nature of the formation of historical memory, as well as the dialectical nature of the interaction of its individual and collective components. It seems promising to share historiographical and biographical methods as complementary.

Keywords: memory studies, individual memory, collective memory, oral history, biographical method, historiographical method, transdisciplinary research.

Исследования исторической памяти (в англоязычной литературе «memory studies») занимают одно из ключевых мест в современных социогуманитарных науках. И хотя это динамично развивающееся направление является достаточно молодым (основополагающие работы в данной области относят к 80-м гг. XX в.), его предыстория, связанная с изучением различных форм присутствия прошлого в настоящем, прошла свой эволюционный путь от соответствующих представлений социальной мифологии, от категорий «традиция» и «наследие» до «памяти» и сопряженных с ней «забвения» и «воспоминания» как основополагающих терминов современного социогуманитарного знания. Исследования исторической памяти и формируют повестку дня широких общественных дискуссий, расставляя новые акценты в трактовке современности, названной Пьером Нора «эрой коммеморации» [1].

Философско-методологический инструментарий, наработанный в современной западной гуманитаристике для изучения феномена исторической памяти, представлен в трудах М. Хальвабкса, Ж.Ле Гоффа, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, П. Рикера, Я. Ассмана, П. Нора и др. На постсоветском пространстве систематические исследования в рамках мемориальной парадигмы проводят И.М. Савельева, А.В. Полетаев, Л.П. Репина, О.Б. Леонтьева, Н.Е. Копосов, А.Ф. Смоленчук, Г.Н. Саганович, А.Л. Ластовский и др.

Под «исторической памятью» обычно понимается система представлений о прошлом, подтверждающая для членов общества их коллективную идентичность и символически репрезентирующая их единство во времени и пространстве [2]. В то же время, ряд авторов, работающих в русле мемориальной парадигмы культуры, значительно расширяет данный курс. Так, Я. Ассман в своей книге «Культурная память» отмечает: «Все говорит о том, что вокруг понятия воспоминания выстраивается новая парадигма наук о культуре; что различные явления и сферы культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – могут быть рассмотрены в новой связи» [3]. В свою очередь, А. Васильев интерпре-

тирует историческую память как «трансдисциплинарную область знания историко-культурологического характера, обладающую своим предметом, то есть позволяющую под определенным углом зрения рассмотреть всю совокупность явлений человеческой культуры, увидев их взаимосвязь с точки зрения того, как «образы-воспоминания» сохранялись, передавались, актуализировались, вытеснялись и использовались в той или иной культуре» [4].

Стоит отметить, что подобная исследовательская позиция, трактующая историчность как неотъемлемую антропологическую универсалию, значительно расширяет сферу затрагиваемой проблематики *memory studies* от исследований нации и национальной идентичности до изучения функционирования различных социальных общностей и организаций в связи с содержанием их коллективной памяти.

Экстенциональное расширение проблемного поля *memory studies*, дополняемое использованием исследователями различных дисциплинарных методологий и картин реальности, не только свидетельствует о возникновении новой трансдисциплинарной области исследований современного социогуманитарного знания, но и ставит нас лицом к лицу перед необходимостью решения возникающих в этой связи теоретико-методологических проблем.

Для лучшего понимания сути возникающих затруднений, отметим, что исследования исторической памяти представляют собой, как правило, множество узкоспециализированных работ, посвященных отдельным аспектам и темам *memory studies*, авторы которых используют различные методологические подходы, работая зачастую в разных дисциплинарных сферах знания. Для подобного множества раздробленных, разобщенных, плохо скоординированных исследований серьезным вызовом, определяющим перспективы дальнейшего развития данного научного направления, является выработка единого парадигмального подхода, общего методологического инструментария и концептуально-теоретической базы.

В силу вышеизложенных обстоятельств использование междисциплинарного подхода, предполагающего работу в пределах конкретной исторической дисциплины с инкорпорацией достижений смежных областей знаний, здесь не представляется корректным решением. По этой причине для исследований исторической памяти, проблематика которой не может быть в полной мере артикулирована в границах любой из взаимодействующих конвенционально установленных академических дисциплин, актуальной на сегодняшний день является задача трансдисциплинарного синтеза, позволяющего выйти на принципиально новый интегративный уровень решения проблемы, недостижимый в рамках конкретных дисциплин.

Как отмечает в этой связи один из авторов Хартии трансдисциплинарности Б. Николеску, трансдисциплинарный подход, стремясь отразить динамику изучаемого процесса или явления на нескольких дисциплинарных уровнях одновременно, соединяет фрагменты реальности, исследованные конкретными дисциплинами, в единую картину [5, р. 47–48]. Пытаясь представить изучаемую реальность в ее диалектической сложности, трансдисциплинарный подход объединяет по принципу дополнительности то, что с позиций частных дисциплин рассматривалось как противоположное.

С каких позиций следует подходить к решению поставленной задачи, на что методологам стоит ориентироваться в первую очередь? Как нам представляется, одна из главных задач связана с разработкой концептуально-теоретического и философско-методологического уровней трансдисциплинарной парадигмы, учитывающих в своих исходных допущениях, положениях и принципах основные особенности формирования исторической памяти.

К числу таких особенностей стоит отнести, прежде всего, *конструктивно-динамический характер формирования исторической памяти*, а также *диалектическую природу взаимодействия ее индивидуального и коллективного компонентов*.

Изучение того, каким образом различные социальные институты работают со своим прошлым, как перерабатываются и реактуализируются нарративы о прошлом для реализации текущих целей общества и целей его будущего развития – является одной из ключевых тем в исследовании процессов формирования исторической памяти. Конструктивно-динамический характер подобного рода коллективной деятельности означает, что память об историческом явлении представляет собой конструируемый контекстуальный феномен; что

здесь мы имеем дело с динамическим процессом, мобилизующим разнообразные социальные дискурсы и практики в репрезентации исторического события и служащим выражению солидарности группы.

Говоря другими словами, многочисленные исторические и архивные данные, сохраненные на разных носителях информации, сами по себе, без соответствующей работы социальных акторов, не являются исторической памятью, но становятся ею лишь тогда, когда извлекаются из хранилища и становятся предметом коммуникаций в рамках определенной нации, группы, сообщества.

Историческая память как способ переосмысления и актуализации прошлого для решения задач настоящего и реализации целей будущего развития выполняет две взаимосвязанные друг с другом социальные функции: идентификации и легитимации.

Ш. Линд в своем труде «Работая с прошлым: Нарратив и институциональная память» отмечает, что функция идентификации используется для конструирования стабильного нарратива идентичности общества, т.е. позволяет показать, что «то, какие мы есть, и то, как мы существуем сейчас, находится в соответствии с тем, какими мы были всегда» [6, р. 3]. Обеспечивая ориентацию в историческом времени и социальном пространстве, знания о прошлом становятся основой культурной преемственности поколений и национально-гражданской идентичности.

При этом, историческая память, включая в себя разновекторные, зачастую противоречивые воспоминания разных групп об одних и тех же событиях, может выступать не только фактором стабильности и интеграции общества, но и являться средством социальных изменений, движущей силой давно назревших общественных перемен и трансформационных процессов.

Так, процессы памятования и забвения играют серьезную роль в реализации стратегий социальных трансформаций, в том числе в реинтеграции расколотых обществ, переживших период массового насилия и преступлений против человечности и желающих перейти к гражданскому согласию и миру [4]. Пересматривая ценности и установки прошлого, историческая память способна задавать новые горизонты смыслов и возможностей для будущего.

В свою очередь, функция легитимации позволяет политикам использовать память для обоснования своего права на власть, для оправдания своих внутри- и внешнеполитических действий. Используемые ими исторические аналогии зачастую выступают в качестве неких прототипов, или образцов принятия политического решения, не только предлагая спектр возможных вариантов действия в данной ситуации, но также и обосновывая тот или иной политический порядок через отсылку к прошлому. Историческая память, очерчивая контуры внешней и внутренней политики, выступает важным элементом политической культуры социума.

Представления о механизмах формирования и трансформации коллективного исторического сознания сегодня активно используются в социальных технологиях, реализуемых в русле современной политики памяти. При этом исторический нарратив, хранящийся в коллективной памяти, одновременно является и естественным (формирующимся благодаря опыту поколений), и сконструированным (формируемым посредством идеологических инструментов).

Политика памяти представляет собой необходимый инструмент идеологической политики любого государства, средство самоидентификации национально-государственной общности на фоне плюрализма прочтений исторического прошлого. Историческая политика разворачивается вокруг оценивания прошлого с позиций актуальных политических и идеологических приоритетов, и наоборот – обоснования достоверности и укорененности данных приоритетов через ценностно-смысловую интерпретацию событий прошлого. Целью исторической политики служит формирование определенной гражданской и культурной идентичности среди людей, оценивающих прошлое схожим образом. Ее предметом служит историческая память, как одновременно и спонтанно самоорганизующийся и целенаправленно идеологически конструируемый феномен. Воздействие на историческую память – эффективный путь консолидации социальных общностей различного масштаба. Вместе с этим манипуляция исторической памятью способна расколоть общество изнутри. Историческая политика продуцирует смысловую интерпретацию континуума прошлое – будущее, что влияет на поведение людей и направление социальной динамики. Отметим, что политика памяти, направленная одновременно (а порой главным образом) и в будущее, представляет собой своеобразное «самореализующееся пророчество».

На постсоветском пространстве важнейшее место в конструировании идеологически значимого нарратива о прошлом занимает Великая Отечественная война, как наиболее масштабный конфликт новейшей истории. Однако важнейшей современной потребностью политики исторической памяти является обоснование не просто «независимости от...», но и «независимости для...». При этом «независимость для...» должна быть подкреплена традицией, содержащей веские аргументы в пользу уникальности исторической судьбы и исторического пути.

Для Беларуси как пограничного государства, в течении длительного времени находящегося в зоне взаимодействия геополитических центров силы, не является приемлемым проведение жесткой дихотомии (культурной, религиозной, политической) по модели «мы – они», «свои – чужие», «победители – жертвы». Достаточно спорным при рассмотрении в диахронном аспекте представляется противопоставление отдельных исторических периодов в формировании культурной и политической нации, при котором определенные стадии трактуются как прогрессивные, иные же наделяются в большей степени негативными коннотациями. Взвешенная историческая политика применительно к Беларуси должна складываться вокруг единства в многообразии, постоянного напряженного диалога, взаимного компромисса, а не исключения, сопровождаемого навешиванием ярлыков. При строгом следовании исторической фактологии, системообразующей представляется ценность консенсуса – культурного, религиозного, политического, при котором будут учтены несовпадающие и нередуцируемые мнения и позиции, обусловленные объективно разнящимся историческим опытом и интересами различных групп, слоев и наций, населявших и населяющих Беларусь.

Наряду с изучением механизмов социального и идеологического конструирования исторической памяти, ключевой темой в понимании динамики ее развития является специфика взаимодействия индивидуального и коллективного компонентов.

Коллективная историческая память (термин, введенный в научный оборот М. Хальбваксом в работе «Социальные рамки памяти» [7]) в значительной своей части конструируется властным дискурсом и представляет собой четко структурированный и упорядоченный набор описаний, идей и образов прошлого. Это знание передается из поколения в поколение и воспроизводит себя в различных социальных и институциональных практиках, коммуникациях.

В свою очередь индивидуальная историческая память формируется как медиатор, опосредующий процессы коммуникации индивида с группой на уровне повседневных практик. Если коллективная историческая память опосредует восприятие прошлого при помощи институциональных каналов, то индивидуальная память обращается непосредственно к личному опыту прошлого.

Специфика взаимодействия индивидуального и коллективного в исторической памяти находит свое отражение в разных исследовательских традициях. Так, приверженцы социологической школы Э. Дюркгейма, разделяя точку зрения о наличии социальных механизмов организации памяти членов общества, полагают, что коллективная память включает в себя индивидуальную, будучи при этом не механической суммой представлений отдельных личностей, а обобщенным образом этих представлений, принимаемым и узнаваемым всеми членами данного сообщества. В рамках данной традиции предполагается, что индивидуальная историческая память в силу своей фрагментарности и уникальности, не может составлять основу, базис коллективной исторической памяти. Скорее она должна вписываться определенным образом в общественное историческое пространство, тем самым выполняя функции контроля и верификации.

Данная позиция не без оснований приводит к дискуссии об онтологическом статусе концепта коллективной памяти: можно ли говорить о существовании над- или внеиндивидуальной коллективной памяти (*memory collective*) или же более корректным будет вести речь о совокупной памяти (*memory collected*) вместе взятых отдельных воспоминаний членов общества.

Еще одной методологической проблемой теории коллективной исторической памяти является, по мнению В. Канштайнера, неоправданный перенос на понятие коллективной памяти существующих нейрофизиологических и психологических представлений об индивидуальной памяти, что препятствует построению внеиндивидуального измерения данной теории [8, p. 179].

Затруднения исследователей также связаны с излишней политизированностью и эмоциональной нагруженностью некоторых тем коллективной памяти. Например, в случае исследова-

ния тем Холокоста, Второй мировой войны, массовых репрессий и геноцида изучаемый материал, как отмечает А. Васильев, – «активно сопротивляется холодному и объективному исследовательскому взгляду, требует эмоциональной вовлеченности, сопереживания» [4], что, в свою очередь, мешает беспристрастному раскрытию механизмов работы коллективной памяти.

Специфика взаимоотношений индивидуального и коллективного в феномене исторической памяти находит свое непосредственное отражение в различных методологических стратегиях ее изучения. Дихотомия объективного и субъективного, фактического и экзистенциального пластов исторической памяти обуславливает выделение двух основных методологических направлений ее исследования.

Одно из этих направлений, условно назовем его *историографическим*, при выстраивании исторического нарратива делает акцент на восстановлении содержательно-фактической канвы событий прошлого. Его приверженцы (М. Хальбвакс, П. Нора и др.) постулируют, что историография призвана корректировать, сужать «слишком широкую» историческую память, отбрасывая «лишнее» и оставляя в ней лишь наиболее ценные, объективно-фактические компоненты, позволяющие построить относительно непротиворечивую картину исторического прошлого [1], [7]. Так, Пьер Нора, противопоставляя память и историю, пишет: «Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим... Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память – это абсолют, а история знает только относительное. В сердце истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти. Память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить её. История есть делигитимизация пережитого прошлого» [1, с. 20].

В свою очередь, альтернативное – *биографическое* направление стремится к реконструкции субъективных, экзистенциально-смысловых компонентов, значимых для оценки и дальнейшей ретрансляции индивидуальной жизненной истории, оценивания наполняющих ее фактов и событий.

Биографический метод открывает широкие возможности реконструкции и интерпретации социального опыта и смысловых структур, его наполняющих. Он предполагает изучение механизмов встроенности индивидуальной биографии человека в широкий социальный контекст. Кроме того, биографическое исследование позволяет проанализировать рефлексивную активность индивида как часть определенного культурно-исторического дискурса.

В историческом нарративе коллективного сознания индивидуальный биографический нарратив присутствует и как субъективная конструкция, и как фактор социальной онтологии. При этом ряд исследователей полагают, что в фиксируемых при помощи биографического метода событиях индивидуальной истории обнаруживаются дополнительные смысловые пласты, не рефлексивные в полной мере самим рассказчиком. По сути, биографический метод открывает уникальные возможности сопоставления осмысленного и, в силу различных причин, ускользающего от внимания участников и очевидцев событий социальной истории опыта. Природа подобных «слепых пятен», механизмы сокрытия смыслов от самих участников социальных процессов представляют собой исключительно значимую и до сих пор малоисследованную область, которая может служить местом диалога социальной психологии, философской феноменологии, социологии, культурологии и т. д.

Генерализация схожего в биографиях одного и того же периода открывает различные перспективы, в их числе – герменевтическая, структуралистская и социологическая [9, с. 8]. В первом случае предметностью служит доступ и способы понимания. Во втором – система устойчивых смысловых координат, через обращение к которой осуществляется понимание. Социологическая (социально-философская) перспектива предполагает путь от реконструкции отдельной биографии к выводам, относящимся к социальной общности, социальному периоду в целом. При этом, интерпретируемая тем или иным способом индивидуальная биография является не столько источником историографической информации, сколько индикатором механизмов функционирования исторического сознания и исторической памяти.

Таким образом, с одной стороны, биографический метод стремится выделить из индивидуальных историй универсальное. С другой – биографическое исследование позволяет проследить, как индивидуально трансформируются типичные социальные роли и типы. Это важно для понимания вариативности и возможной амбивалентности коллективного исторического сознания.

Так, «устная история» как наиболее известная разновидность биографического подхода подразумевает сбор научно организованной устной информации от непосредственных свидетелей исторических событий [10]. Отличительной чертой биографического подхода и «устной истории» в частности является акцент на реконструкции исторических событий сквозь призму индивидуального опыта и субъективных смыслов очевидцев, что способствует обогащению знания о прошлом различными оттенками его личностного понимания, а также позволяет дополнить сведения, полученные из официальных источников, свидетельствами непосредственных участников событий [11]. Таким образом, биографический подход к формированию исторической памяти позволяет «увидеть» эпоху глазами ее очевидцев и участников; вводит в научный оборот экзистенциальные установки респондентов, их жизненную философию, личный опыт пережитого.

Взаимодополняющий характер двух обозначенных направлений связан с тем важным обстоятельством, что историческая память как комплексный, многоуровневый феномен существует и развивается в единстве своих содержательно-фактических и экзистенциально-смысловых компонентов, оформляющих поток внешнего и внутреннего опыта исторического субъекта. С этой точки зрения историография, ориентированная на восстановление содержательно-фактической канвы событий прошлого, не дополненная возможностями биографического подхода, служит лишь одномерным, фактуально редуцированным отражением исторической памяти, оставляя за скобками проблематизацию ее смысловых, субъективно-экзистенциальных факторов формирования и воспроизводства.

Биографический подход, вводя в научный оборот наполненную уникальными красками повседневность, позволяет преодолеть одномерность историографической интерпретации реальности. Множественный характер субъективных свидетельств позволяет сделать воссоздаваемую картину исторической реальности более объемной и многоплановой и тем самым более объективной и реалистичной. Исследовательская парадигма устной истории, актуализируя дополнительные смысловые пласты прошлого, открывает широкие возможности для трансдисциплинарного синтеза в исследованиях исторической памяти, требующего консолидированных усилий специалистов различных гуманитарных наук – историков, политологов, философов, социологов, психологов.

Memory studies как новое трансдисциплинарное направление современной гуманитаристики, актуализирует необходимость концептуально-методического обоснования экстерриториального диалога различных предметных и дисциплинарных подходов, а также перспектив диалектического синтеза некоторых конкурирующих парадигм, ранее трактовавшихся в качестве противоположных и взаимоисключающих. Предполагается, что разработка философско-методологических оснований трансдисциплинарной парадигмы должна учитывать в своих исходных допущениях и принципах конструктивно-динамический характер формирования исторической памяти и специфическую нелинейную природу взаимодействия ее индивидуального и коллективного начал. Многообещающим в концептуально-теоретическом плане выглядит совместное использование историографического и биографического подходов к исследованию исторической памяти.

Литература

1. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок // Франция-память. – СПб., 1999. – С. 17–50.
2. Репина, Л.П. Культурная память и проблемы историописания / Л.П. Репина. – М., 2003. – 44 с.
3. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М.М. Соколовский. – М., 2004. – 368 с.
4. Васильев, А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов [Электронный ресурс] / А. Васильев. – Режим доступа : <http://www.nlobooks.ru/node/2640>. – Дата доступа : 29.09.2018.

5. Nicolescu, B. Transdisciplinarity – theory and practice / B. Nicolescu. – NJ, USA : Hampton Press, 2008. – 299 p.
6. Linde, Ch. Working the past: narrative and institutional memory / Ch. Linde. – N.Y., 2009. – 264 p.
7. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.
8. Kansteiner, W. Finding meaning in memory: a methodological critique of collective memory studies / W. Kansteiner // History and Theory. – 2002. – Vol. 41, № 2. – P. 179–197.
9. Биографический метод в социологии: история, методология и практика / Под ред. Е.Ю. Мещеркина, В.В. Семёнова. – М. : Институт социологии РАН, 1994. – 147 с.
10. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон ; пер. с англ. – М. : Изд-во «Весь мир», 2003. – 368 с.
11. Ritchie, D.A. Doing oral history / D.A. Ritchie. – England : Oxford, 2014. – 321 p.

Институт философии
НАН Беларуси

Поступила в редакцию 09.04.2019

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ